

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

К.В. Самохин

*ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический
университет», г. Тамбов*

Рецензент д-р филос. наук, профессор А.И. Юдин

Ключевые слова и фразы: военный фактор; Крымская война; механизм и органичность российской модернизации; политическая модернизация.

Аннотация: Исследован военный фактор как механизм российской политической модернизации во второй половине XIX века. Проанализировано влияние Крымской войны на переход Российской империи от аграрного общества к индустриальному в политическом плане. Показана необходимость органичности модернизационных процессов в России как залога их успешной реализации. Основным выводом является положение о том, что Восточная война 1853–1856 гг. стала очередным «вызовом», определившим продолжение российской модернизации, и в частности политической, выразившейся в относительно слабой реализации принципов правового государства и формировании основ гражданского общества в Российском государстве пореформенного периода.

Первого февраля 1992 г. на встрече в Кэмп-Дэвиде президент США Джордж Буш-старший и президент России Б.Н. Ельцин объявили об окончании холодной войны. Противоборство США и СССР имело длительную историю и началось в 1946 г. с речи У. Черчилля в г. Фултон. Этот конфликт не имел традиционного для войн характера, когда ведутся боевые действия, в данном случае речь шла о соревновании двух систем – социалистической и капиталистической. Указанное противостояние «холодная война» определено в энциклопедических словарях как термин, обозначающий состояние военно-политической конфронтации государств и групп государств, при которой ведется гонка вооружений, применяются экономические меры давления (эмбарго, блокада экономическая и т. п.), осуществляется организация военно-стратегических плацдармов и баз. Холодная

Самохин Константин Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и философия», e-mail: kon-sam@yandex.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

война возникла вскоре после Второй мировой войны и, в основном, закончилась во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., главным образом, в связи с демократическими преобразованиями во многих странах бывшей социалистической системы [17]. Чаще всего, в качестве финальной точки данного противоборства называется 1991 г., когда имели место роспуск Совета Экономической Взаимопомощи и Организации Варшавского Договора, а также распад СССР [8]. Это доказывает факт, что советская система не выдержала конкуренции с капитализмом, особенно в области технического прогресса и уровня жизненных стандартов населения [2, с. 22].

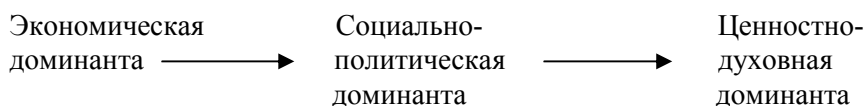
Итогом стал вывод о необходимости трансформации сложившейся государственной системы Российской Федерации, которая выступала и выступает как правопреемница СССР. Руководство страны стало искать такую стратегию развития, которая позволила бы России вступить в число наиболее развитых государств мира. Одним из таких вариантов стала стратегия модернизации, провозглашенная В.В. Путиным в качестве приоритетной на второй срок своего президентства [7]. Это привело к усилению интереса политологов, философов, социологов и историков к различным аспектам модернизационных процессов. Появилось большое количество исследований и публикаций, касавшихся, так или иначе, указанной проблематики. Но наиболее продуктивным представляется теоретический подход, который позволяет глубоко понять сущность самой модернизации, а ее анализ в историческом плане дает возможность выявить причины успешности или неуспешности выбранной в 2000-е гг. официальной государственной стратегии.

Сам термин «модернизация» понимается как переход от аграрного общества к индустриальному, который носит комплексный характер и имеет место во всех сферах жизнедеятельности общества: в экономике намечаются основы построения рыночной системы и индустриализация; в социальной сфере присутствуют рост социальной мобильности и урбанизация; в политике происходит складывание гражданского общества и правового государства; духовная сфера характеризуется возникновением мультикультурализма, базирующегося на общечеловеческих ценностях [7].

Следует заметить, что поражения в войнах, которые вела Россия на протяжении XVIII–XIX веков с крупнейшими европейскими державами, часто приводили к всплескам модернизационной активности российских императоров. Северная война обусловила начало российской модернизации и достаточно активное развитие модернизационных процессов в правлении Петра I и его преемников вплоть до царствования Павла I [13]. Наполеоновские войны вызвали их продолжение на протяжении первой половины XIX в. [12]. Однако в эти периоды реализацию получила в основном экономическая модернизация, трансформация же остальных сфер жизнедеятельности общества носила либо зачаточный характер, либо отсутствовала совсем. Это характеризует переход России от аграрного общества к индустриальному как неорганичный, что является, на наш взгляд, главной причиной его затяжного и проблематичного характера [5, с. 47]. Крымская война привела к активизации социальной модернизации, когда

было отменено крепостное право, что стало главным фактором роста социальной мобильности и урбанизации [14]. Иными словами, войны XVIII–XX веков, пользуясь терминологией А.Дж. Тойнби, являлись своеобразным «вызовом» к российской (славянской) цивилизации, «ответом» на который необходимо считать модернизаторские усилия российских императоров [15, с. 250–255]. Поэтому стратегия, определенная В.В. Путиным в качестве основной в середине 2000-х гг. после окончания холодной войны, в свете всего вышеизложенного выглядит отнюдь не случайной.

В продолжение темы следует заметить, что модернизация Российской империи подчинялась логике смещения вектора модернизационных процессов от экономической сферы к духовной [9]:

Исходя из данного положения, можно предположить, что вторая половина XIX века вполне могла стать периодом и политической модернизации Российского государства. Для полноты картины необходимо указать еще одну тенденцию в развитии российских модернизационных процессов: различные революционные и социальные потрясения играли роль своеобразного «ингибитора» при переходе России от аграрного общества к индустриальному в XIX веке [12].

Основной целью данной статьи является анализ развития политической сферы России в плане складывания основ правового государства и гражданского общества во второй половине XIX века, исходя из заявленной концепции российской модернизации.

Крымская война, являвшаяся одним из этапов в ходе русско-турецкого противостояния в XVIII – начале XX века, имеет существенное отличие от большинства русско-турецких войн. Главным противником Российской империи в ней следует видеть не Турцию, а Великобританию и Францию, что в принципе позволяет характеризовать ее как «вызов» западной цивилизации, уже прошедшей модернизацию, к российской (славянской). Восточная война 1853–1856 гг. имела еще две необходимые черты для подобной интерпретации: 1) региональный масштаб боевых действий; 2) общее, итоговое поражение России. Из крупнейших военных конфликтов второй половины XIX века с участием Российского государства можно выделить еще русско-турецкую войну 1877–1878 гг. и присоединение Средней Азии к России, но они проходили без активного вмешательства западноевропейских держав, носили локальный характер и закончились победой Российской империи, потому влияние на процессы российской модернизации не оказывали [10].

Поражение России в Крымской войне необходимо выводить из нерешительной и временами ошибочной внешней политики Николая I [3, с. 153–160], а также общей отсталости Российской империи, в сравнении с промышленным и техническим превосходством Великобритании и Франции [16, с. 129]. Одной из основных причин указанной отсталости,

безусловно, следует считать существование крепостного права. Потому его отмену спустя короткий период времени после подписания Парижского мира в 1856 г. необходимо трактовать как прямое следствие Крымской войны, а либеральные реформы, проводимые в ходе политической модернизации Российского государства, были вызваны в первую очередь тем импульсом, который сложился в результате крестьянской реформы.

Середину XIX века Россия встретила в виде абсолютной, самодержавной монархии. Базовые черты последней в полной мере сложились в Российском государстве еще при Петре I [13, с. 182–183]. В дальнейшем, начиная с царствования Екатерины II, русские императоры пытались поставить себя в определенные законодательные рамки [11]. В целом, в пореформенный период данная тенденция была продолжена, хотя она и носила крайне нестабильный характер.

Ярким доказательством является проведение судебной реформы 1864 г. Следует сказать, что до данной реформы в России существовал словесный суд, необходимость трансформации принципов функционирования которого уже ощущалась в царствование Александра I. Однако никаких существенных изменений в этой сфере в первой половине XIX в. так и не произошло. Определенный импульс указанному процессу придала отмена крепостного права 1861 г. [4, с. 259].

В результате проведенной реформы российское общество получило бессловесный гласный независимый от администрации окружной суд присяжных [4, с. 259–261]. Вот, как оценивал значение этой реорганизации известный российский историк Б. Н. Митронов: «Благодаря введению новых судебных уставов в 1864 г. усилилась роль закона в управлении, произошло окончательное отделение суда от администрации. До реформы судебные дела нередко поступали на рассмотрение Государственного совета, решались императором и получали форму и авторитет закона, не будучи законами. Судебная реформа установила новое обеспечение законности в российском государственном строе тем, что гораздо четче, чем прежде, провела различие между законом и высочайшим повелением в порядке управления» [6, с. 150].

Однако выстрел Д.В. Каракозова в 1866 г. привел к усилению консервативных тенденций в плане трансформации государственного управления. Касаемо судебной реформы, это означало издание так называемых новелл, которые, в целом, изменили ее либеральный характер, когда из ведения судов общей юрисдикции, к примеру, был изъят ряд дел (о литературных и государственных преступлениях).

Под импульсом земской и городской реформ 1864 и 1870 гг. в России активизировалось либеральное движение, основной целью которого было введение конституции и парламентаризма в стране. Итогом стал ряд проектов по созданию законосовещательного органа, наиболее известным из которых стала так называемая «Лорис-Меликовская конституция». Но убийство Александра II, совершенное Гриневицким в 1881 г., окончательно заставило нового императора Александра III перейти к реакционному политическому курсу, называемому «контрреформами». Основную направленность последних определил Манифест о незыблемости само-

державия, увидевший свет в 1881 г. В том же году издается Положение об усиленной и чрезвычайной охране, по которому в случае необходимости управление в какой-либо местности могло жестко контролироваться коронной администрацией и военными властями [6, с. 152–153].

Судебная «контрреформа» была проведена при помощи указов 1885, 1887 и 1889 гг., когда ревизии были подвержены принцип несменяемости судей, гласность судебных заседаний, компетенция суда присяжных. Для контроля над крестьянством в 1889 г. издано Положение о земских участковых начальниках, которыми могли стать только потомственные дворяне, совмещавшие в своих руках административные, полицейские и судебные функции.

Аналогичную нестабильность можно определить и при формировании основ гражданского общества в пореформенный период. Следует заметить, что его зачатки появились благодаря политике «просвещенного абсолютизма», которая получила свое начало в правлении Екатерины Великой и была продолжена в царствование Александра I. В данном случае хотелось бы вновь процитировать Б.Н. Миронова: «Уже в конце XVIII в. у отдельных представителей общественности возникает неудовлетворение, с одной стороны, своей ролью слуги, с другой, – деятельностью государства. Эти настроения в первой половине XIX в. крепнут и распространяются, в результате чего в 1840–1860-е гг. значительная часть образованного общества приняла либеральную доктрину, сложившуюся в это время на Западе. Согласно ей, общество имеет право и должно участвовать в управлении государством, так как государь и его правительство не справляются и в принципе не могут с ним справиться без помощи общества, а также потому что общество таким способом может защитить себя от злоупотреблений власти. Общественность все настойчивее начинает высказывать пожелание участвовать в государственном управлении, что и послужило одним из факторов проведения земской и городской реформ» [6, с. 151]. Доказательством данных слов может служить и активизация общественного движения, проявившаяся в деятельности кружков в 30–40-е гг. XIX века (западники, славянофилы, петрашевцы и т.д.), а также издательского дела – к примеру, свет увидели газета «Колокол» и журнал «Современник». Однако указанный процесс был характерен преимущественно для высших слоев населения, так как «...круг интересов крестьянского самоуправления редко выходил за пределы сельских обществ и волостей», и это уже после проведения реформы земского самоуправления [1, с. 110].

Создаваемые по земской реформе 1864 г. органы местного самоуправления формировались по итогам куриальных выборов, что придавало им такую важную особенность, как всесословность. В их компетенцию входили вопросы народного образования, медицинской помощи, сельского хозяйства, торговли и промыслов, а также нужды местного населения в рамках уездов и губерний [4, с. 258].

Развитию основ гражданского общества также способствовало издание новых университетского (1863 г.) и цензурного (1865 г.) уставов. Первый восстановил университетскую автономию, введенную в 1804 г. Вто-

рой давал возможность обществу контролировать администрацию через прессу на основе принципа гласности. Однако крен, вызванный покушением Каракозова, стал сказываться и на этом направлении.

Городовое положение 1870 г. носило менее либеральный характер, по сравнению с земской реформой. Принцип всеобщности был нарушен, так как в основу выборов в городские думы была положена прусская классовая система. Кроме того, самостоятельность при решении различных вопросов у новых органов городского самоуправления была очень ограниченной [4, с. 294-296].

«Контрреформы» Александра III продолжили установившуюся тенденцию через усиление цензуры в 1882 г., сокращение университетской автономии в 1884 г., перегруппировку сил в органах земского и городского самоуправления согласно изменению избирательных цензов по положениям 1890 и 1892 гг. Но нельзя не согласиться, в данном случае, с Б.Н. Мироновым, оценившим внутреннюю политику Александра III следующим образом: «Таким образом, при Александре III была сделана попытка затормозить развитие государственности в сторону правового государства с конституцией и парламентом. Однако консервативный политический курс не изменил ни характера русской государственности, ни главной тенденции ее развития – государство продолжало эволюционировать, хотя и медленнее, чем в предшествующее царствование, в сторону конституционной монархии, а общество – в сторону гражданского общества» [6, с. 154].

Таким образом, процессы российской модернизации, начавшиеся в первой четверти XVIII века под влиянием Северной войны, по-прежнему продолжали обуславливаться военным фактором и во второй половине XIX века. Крымская война 1853–1856 гг. явилась основной причиной продолжения процессов политической модернизации России, потому этот военный конфликт следует рассматривать как «вызов» западной цивилизации к российской (славянской). Переход от аграрного общества к индустриальному в политическом плане проявился в виде формирования правового государства в Российской империи де-юре, но сохранения абсолютной, самодержавной монархии де-факто. Основы создания гражданского общества в Российском государстве в пореформенный период имели место, но проявлялись крайне слабо, что наводит на мысль о необходимости последующих «вызовов», в качестве которых могут рассматриваться русско-японская и Первая мировая войны, имевшие место соответственно в 1904–1905 и 1914–1918 гг.

Список литературы

1. Двухжилова, И.В. Социальный состав Тамбовского земства (1865–1890 гг.) : монография / И.В. Двухжилова ; науч. ред. А. А. Слезин. – Тамбов : Юлис, 2003. – 140 с.
2. Ионова, Е.А. Причины антимодернизации в России в 90-е гг. XX века [Электронный ресурс] / Е.А. Ионова // Россия в эпоху модернизации

ции: опыт, проблемы, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, 17–19 июля 2011 г. / М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова». – Барнаул, 2011. – С. 22–24. – Режим доступа : <http://www.altstu.ru/media/f/modern.pdf>. – Загл. с экрана.

3. Керсновский, А.А. История русской армии. В 4 т. Т. 2 / А.А. Керсновский. – М. : Голос, 1992. – 336 с.

4. Корнилов, А.А. Курс истории России XIX века / А.А. Корнилов. – М. : Высшая школа, 1993. – 446 с.

5. Красильщиков, В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века / В.А. Красильщиков // *Вопр. философии*. – 1993. – №7. – С. 40–56.

6. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). В 2 т. Т. 2 / Б.Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – 568 с.

7. Модернизация России и Европа [Электронный ресурс] : стеногр. Круглого стола. – 2004. – Режим доступа : http://www.zlev.ru/41_40.htm. – Загл. с экрана.

8. Окончание «холодной войны» [Электронный ресурс] // Публичная Историческая Библиотека : сайт. – Режим доступа : <http://www.istmira.com/povejshaya-istoriya/1525-okonchanie-holodnoj-vojny.html>. – Загл. с экрана.

9. Самохин, К.В. Многоликая война / К.В. Самохин // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2009. – № 2 (3). – С. 81–83.

10. Самохин, К.В. Модернизация, Первая мировая война и Россия / К.В. Самохин // *Гуманитарные науки: проблемы и решения : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. А.А. Слезина*. – СПб., 2006. – Вып. IV. – С. 156–180.

11. Самохин, К.В. Процессы модернизации в послепетровской России XVIII века [Электронный ресурс] / К.В. Самохин // *Соврем. исслед. соц. проблем*. – *Электрон. науч. журн.* – 2012. – № 9 (17). – Режим доступа : <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/samokhin.pdf>. – Загл. с экрана.

12. Самохин, К.В. Процессы российской модернизации в конце XVIII – первой половине XIX веков [Электронный ресурс] / К.В. Самохин // *Соврем. исслед. соц. проблем*. – *Электрон. науч. журн.* – 2012. – № 11 (19). – Режим доступа : <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/11/samokhin.pdf>. – Загл. с экрана.

13. Самохин, К.В. Северная война: первый опыт российской модернизации / К.В. Самохин // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2011. – № 8 (14). – Ч. 2. – С. 180–185.

14. Самохин, К.В. Социальная модернизация России во второй половине XIX – первые годы XX веков / К.В. Самохин // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2013. – № 5 (31). – Ч. 2. – С. 168–172.

15. Самохин, К.В. Трансформации крестьянского менталитета в годы Первой мировой войны (на материалах Тамбовской губернии) / К.В. Самохин // *Докл. Акад. воен. наук*. – 2006. – № 5 (23). – С. 249–255.

16. Тимошина, Т.М. Экономическая история России : учеб. пособие / Т.М. Тимошина. – М. : Информ.-изд. дом «Филинь» : Юрид. Дом «Юстицинформ», 2001. – 432 с.

17. Холодная война [Электронный ресурс] // Академик : сайт. – Режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/92152/ХОЛОДНАЯ>. – Загл. с экрана.

Political Modernization of Russia in the Second Half of the 19th Century

K.V. Samokhin

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: Crimean War; military factor; modernization; political modernization; Russian modernization mechanism; Russian modernization wholeness.

Abstract: The article is devoted to the study of military factor as a tool of political modernization of Russia in the second half of the 19th century. The purpose of the study is the analysis of the impact of Crimean War on the transition of Russian Empire from an agrarian society to industrial one. The integrity of modernization processes in Russia as the keystone to their successful implementation has been stressed. The author comes to the conclusion that the Eastern War of 1853–1856 became another “challenge” for the continuation of the Russian modernization, especially in political sphere. The political modernization manifested in relatively weak implementation of the rule of law and building the foundations of civil society in the Russian state of post-reform period.

© К.В. Самохин, 2013